

Галина Польнская

**Суп из птичьих
гнезд**

Галина Полынская
Суп из птичьих гнезд
Серия «Иронический
детектив. Сена и Тая», книга 2

<https://litres.ru/61234546>

SelfPub; 2026

Аннотация

В этот раз Сена и Тая решают разбогатеть. На пути к желаемому финансовому благополучию подругам придется вновь попасть в криминальный переплет, завладеть скульптурой, набитой драгоценностями, и попасть в частную тюрьму.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	12
Глава третья	19
Глава четвертая	27
Глава пятая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Галина Польшинская

Суп из птичьих гнезд

Глава первая

Вот и прошел целый глупый год. На календаре был конец марта, но зима чихать хотела на этот факт: бесконечный снег валил, как перья из распоротой подушки и, превращаясь в нечто сырое и липкое, усердно плевался в окна. Мое настроение соответствовало погоде в точности до последнего снежного плевка. Душевное состояние требовало немедленной исповеди, и я принялась искать телефон, дабы позвонить подруге. Поиск телефона был занятием отнюдь не простым, мой аппарат имел очень длинный шнур, я таскала его за собою по всей квартире, телефон мог оказаться где угодно.

На этот раз мой желтый, местами облупившийся приятель, оказался в ванной, в тазу, под грудой белья. Вытащив его оттуда, я отнесла аппарат на кухню и поставила чайник. Присев на табуретку, я накрутила номер единственной и неповторимой подруги.

– Алло, – сонно пробормотала она.

– Еще спишь? – удивилась я, потом что на часах был полдень.

– Я вчера была у двоюродной сестры, у нее личная драма...

– И вы напились, – закончила я. Личные драмы у сестры происходили раз в неделю, иногда чаще.

– Так, выпили немного, – зевнула Тая. – У тебя что-то случилось?

– Да, – я мрачно разглядывала заплыванное снегом окно. – Сегодня я хорошенько обдумала свои перспективы на будущее.

– И что?

– Их нет. Совсем никаких. Я никогда не стану богатой и знаменитой. Никогда не смогу прожигать жизнь на всю катушку. Я помру в нищете и безызвестности.

– Сена, чего это с тобой? – подруга неприлично, с подвыванием зевнула.

– А того! И прекрати зевать! Понимаешь, я хочу жить красиво, хотя бы иногда. Хочу есть пищащих устриц и плесневелый сыр. И запивать настоящим шампанским! Не из ларька! Неужели я не достойна хоть капельки счастья? Я хочу быть богатой!

– Сена, кажется, тебе на грудь опять прыгнула жаба. Плесневелый сыр я ела – гадость, и ты вполне можешь себе это устроить – вытащи из холодильника кусок обыкновенного и положи в теплое место. Через пару дней можешь наслаждаться.

– Это совсем не то, я хочу есть сыр, который заплесневел

в Париже. Надо срочно что-то делать, жизнь так коротка! Ее надо прожигать хотя бы иногда, хотя бы раз в месяц... нет, лучше раз в полгода... И оставь в покое мою жабу! Она имеет право на существование, как любое живое существо!

– Что ты решила сделать? – Тая перестала зевать, и ее голос немного напрягся. – Говори...

– Решила купить омара! – выдала я.

– Чего? Омара Хайяма? Книгу?

– Я хочу прожигать жизнь, а не читать, как ее прожигали другие! Хочу купить омара, такого большого рака, они продаются в супермаркете у метро.

– Зачем он тебе? Будешь дрессировать? Тебе собаки мало? Ты вообще знаешь, чем эти гады питаются?

– Тая! – застонала я от непроходимой дремучести подруги. – Я не собираюсь покупать живого, я куплю дохлого омара и съем его!

– Бе-е-е! – раздалось в трубке.

– Может, конечно, и «бе», – с достоинством ответила я, – но все-таки я это сделаю.

– Все понятно. Если это улучшит твое самочувствие, буду рада. Когда собираешься за покупкой?

– Прямо сейчас, – я старалась не смотреть в гадское окно.

– Погода ужасная, может, подождешь?

– Не могу, я моментально потрачу зарплату, и прожигаться будет не на что.

– Ну, мысленно с тобой.

– Приехать не хочешь?

– Позже, ладно? Я еще не проснулась окончательно.

– Ладно.

Я повесила трубку и посмотрела в коридор на безмятежно храпящую собаку. Лаврентий никак не намекал на прогулку, поэтому я быстренько собралась, осторожно переступила через блаженно дрыхнувшего сенбернара, и вышла из квартиры.

На улице действительно было скверно, но я твердо решила довести дело до конца. До самого супермаркета я размышляла об омаре и о том, почему же именно эту идею я вбила себе в голову? Но останавливаться и придумывать что-нибудь другое было уже поздно, если меня куда-то понесло, я буду нестись до конца, даже если впереди бетонная стена.

Народа в магазине было мало, никто не мешал мне бродить вдоль прилавков в эйфории предвкушения встречи с куском красивой жизни.

В отделе рыбы и морепродуктов, я это увидела. Штук пять омаров разных размеров лежали горкой, рядом красовался ценник с надписью «лобстер», и цена... О таких один известный юморист сказал: «Не поймешь, это цены или номера телефонов?»

– Девушка, – обратилась я к продавщице, – скажите, омары и лобстеры это одно и то же или нет?

Она как-то странно посмотрела на меня и пожалала плечами. Это можно было расценить как угодно. Выхода не было,

я выбрала среднего, потом подумала и взяла самого большого, решив не мелочиться в прожигательстве. Мой новый друг была замороженным и тяжелым, для собственного успокоения, я продолжала величать его «омаром». На оставшиеся деньги я купила бутылку пива, пару лимонов и поехала домой. По пути я напрягала память, пытаюсь вспомнить, как же варятся раки. Вспомнилась кипящая вода, соль и укроп.

Дома я достала самую большую кастрюлю, решив предоставить почетному гостю максимально комфортные условия, налила воды и бросила пучок завядшего укропа, который был давним жителем моего холодильника. Лаврентий сразу же усек, что хозяйка снова затевает что-то глобальное, и быстренько убрался под письменный стол, который давно приспособил под свою будку.

Пока вода закипала, я разглядывала омара. Он лежал на столе, с усами в разные стороны, с устрашающими клешнями и каким-то недобрый взглядом круглых глазок. Наверное, при жизни он не отличался добрым нравом... Вода закипела, я бухнула в кастрюлю соль и аккуратно опустила туда омара. На всякий случай я прикрыла его крышкой и наружу остались торчать только усы. Сколько варить страдальца, было неизвестно, оставалось верить интуиции. Налив в бокал пива, я заняла дежурный пост на табуретке. Омар тихо булькал, я время от времени приподнимала крышку и проводывала его. Постепенно по кухне стал распространяться какой-то загадочный запах... Я тщательно приноживалась,

потом из комнаты пришел Лавр и тоже стал приноживаться.

Через полчаса мне в голову стали приходить сравнения омара с яйцом – ни у того, ни у другого не поймешь, сварились или нет. И тут до меня дошло, что красный он не от рождения, раньше он был зеленым, значит, омара уже кто-то сварил до меня! Похвалив себя за сообразительность, я аккуратно выудила омара и положила на большой блюдо. Украшив веточками укропа и торжественно водрузив «красивую жизнь» на середину стола, я посмотрела на Лавра. На морде сенбернара читалась только настороженность и больше никаких эмоции. Иногда он поразительным образом напоминает мою подругу...

Разрезав лимон, я чинно уселась за стол. От зверюги валит пар, и взгляд его был таким же недобрым, как и до варки. Выжав на омара лимонный сок, я задумалась. Как же теперь добраться до самого главного – до мяса? Повсюду был очень крепкий бронезилет и ни малейшей лазейки. Особенно угрожающе выглядел хвост. У меня получилось оторвать маленькие лапки и разгрызть их. На вкус отдавало моим престарелым укропом и холодильником. Я запила эту красоту пивом и попробовала оторвать большую клешню. Она не поддавалась. Тогда я попыталась ее вывихнуть и злостно выломать. После пары попыток, от которых любого садиста бросило бы в дрожь, мне это удалось. Клешня была здоровенная и такая же неприступная, как и все остальное, но этот омар еще не знал, с кем связался.

Расчленение, а вернее раздирание, заняло больше времени и сил, чем я предполагала и все это время, проклятый омар подловато косил на меня своими лобстерскими глазами.

Оторвав хвост и все лапы, я оставила в целости тушку с головой. Неизвестно, что было внутри у этого саркофага, предположительно кишки, а их мне видеть не хотелось. Вытерев со стола все, что натекло с паразита, я предала его конечностям живописный вид и красочно оформила натюрморт замученным укропом. Впереди предстояла нелегкая работа, глотнув пива, я ринулась в бой. Взясась сразу за хвост и сразу поняла, что омар так просто не дастся. Руководствуясь способом чистки рака обыкновенного, я попыталась сломать его панцирь. Он был твердым, как каменный век. Пот лился градом, слова вылетали нецензурные, я была близка к тому, чтобы начать топтать его ногами, как вдруг... меня осенило. Я бросилась в коридор, стянула с антресолей ящик с инструментами, достала молоток побольше и исполненная яростной решимости, вернулась на кухню. Омар притаился, прикрывшись укропом, по-моему, он уже откровенно издевался надо мной. Положив его хвостище на стол, я размахнулась, как следует, прицелилась и жახнула его молотком. Во все стороны полетело что-то белое вперемешку с панцирем, и тут в двери позвонили. Выковыряв из глаза нечто, принадлежавшее морепродукту, я пошла открывать. На пороге стояла Тая с двумя пакетами креветок в руках.

– Сена, в чем это ты вся? – поинтересовалась подруга, заходя в коридор.

– В омаре, – мрачно ответила я и обреченно махнула молотком.

– А, ну я так и знала, вот, возьми, – она протянула мне пакеты и стала снимать сапоги. – У тебя лимоны есть?

– Да, еще не все извела на этого мерзавца.

– Вот и прекрасно, сейчас креветки сварим и попрожигаем жизнь в пределах разумного, согласна?

– Согласна, – я печально посмотрела на молоток, – а омара добьем? Хоть из любопытства, посмотрим, как он устроен и что у него внутри.

– Хорошо, – кивнула Тая и направилась на кухню. – Ну-ка, показывай, где тут твой легендарный омар?

Глава вторая

Как жить дальше и что делать, я не знала. Снег продолжал лепить в окно, и я склонялась к удручающей мысли, что весны не будет. Никогда...

С момента злоключения с омаром прошла почти неделя. Замученная работой, Тая звонила редко и в гости не приезжала, я же валяла дурака в редакции родной газеты, писала бредовые статьи, которые выходили под сенсационными заголовками, и временами хотела умереть... Ведь занимаются же люди настоящим делом, точно знают, ради чего силы и здоровье тратят, а тут... тоска сплошная! Совершенно бездарно потраченная жизнь! И на что? На глупые вымышленные статейки! Если прессу такого пошиба (и зачем она только нужна?) называют «желтой», то нашу газетенку надо обозвать «желтушной», прямо таки умирающей от желтухи в последней стадии болезни. Даже новый шеф редакции не спасал положения, дела обстояли так же скверно, как и раньше.

Глядя в окно нашего общего кабинета, я никак не могла сосредоточиться и наврать что-нибудь правдоподобное про египетские пирамиды, голову занимали совсем другие мысли: как же, как разбогатеть? Как прыгнуть выше головы и вырваться из этого болота?.. Погрузившись в думы, я не заметила, как поставила локоть на клавиатуру и на мониторе

самостоятельно начала печататься какая-то ахинея...

– Сена, ты закончила статью? – поинтересовался, проходящий мимо шеф.

– Да, – брякнула я, очнувшись.

– Давай сюда.

Я кивнула на монитор. Дмитрий Петрович внимательно смотрел в экран секунды три, потом вежливо спросил:

– Расшифровать это можно?

– Что именно? – я напустила на себя вид самого трудолюбивого сотрудника на свете.

– Вот это, – он ткнул пальцем в абракадабру. – Как это читать? Справа налево или снизу вверх?

– Через пять секунд все переделаю, – заверила я и добросовестно взялась за дело.

К концу рабочего дня, после бесчисленных чашек растворимого кофе, сигарет и пустой болтовни в курилке с сотрудниками других газет, гнездящихся под одной крышей с нами, на меня снизошло таки вдохновение, и я наврала про пирамиды, довольно много и правдоподобно. Положив статью шефу на стол, я собралась было ретироваться поскорее домой, но командный голос начальства настиг меня в дверях.

– Сена! К завтрашнему дню составь гороскоп на неделю!

– Опять я?! – возмущение накрыло меня штормовой волной. – Я же говорила, что ничего в этом не соображаю, я даже не могу запомнить названия планет и все такое!

– У тебя хорошее, легкое перо, у тебя лучше всех получа-

ется!

Глядя на мой унылый вид, Дмитрий Петрович смилостивился:

– Возьми Влада в помощь, но чтобы завтра все было готово.

– Хорошо, – я вздохнула и поплелась на выход.

Я ненавидела составление гороскопов. Раньше я любила их читать в газетах и журналах, интересно было, что грядущее готовит, а теперь перестала. Как представляю, что их тоже такой космонавт-астролог вроде меня сочиняет, все желание сразу отпадает.

Добравшись до дома и покормив Лавра, я позвонила Тае.

– Когда ты приедешь ко мне в гости? – обиженно проворчала я. – Решила совсем меня бросить, да?

– Сеночка, работы море, я в такой запарке! Как разгребусь хоть немного, сразу же к тебе. Как у тебя дела?

– По-старому. Знаешь, о чем я думаю все время?

– О чем?

– Как бы разбогатеть. Сразу и навсегда.

– Придумала что-нибудь?

– Нет пока.

– Как придумаешь, скажешь?

– Непременно. Жаль, что я не работаю в твоем банке, – вырвался произвольный вздох, – там бы дела пошли быстрее...

– Какое счастье для банка, что ты в нем не работаешь! –

с чувством произнесла подруга. – Ладно, на днях приеду, не скучай.

– Постараюсь.

Потом позвонила Владу, нашему внештатнику. Характер он имел беззаботный, безалаберный, бесшабашный... короче, мы были друзьями.

– Влад, привет, – я тяжело вздохнула.

– Привет, Соломка, а чего такая грустная?

– Да так... слушай, ты можешь мне помочь в одном деле?

– В каком?

– Гороскоп составить.

– Легко, когда пересечемся?

– Не знаю...

– У тебя что, депрессия?

– Вроде того, – я собралась раскиснуть и разрыдаться.

– В честь чего?

– В честь не наступления весны, в честь хронической нищеты...

– Стоп! Хочешь, я сейчас приеду?

– Хочу, а то я под настроение такой гороскопец сляпаю, никому из дома выходить не захочется.

– Еду!

Надев свой любимый махровый халат фасона «мишка на пенсии», я мысленно попробовала набросать план гороскопа. В голове упорно крутилось: «Завтра утром вы посмотрите в зеркало и обнаружите большие ветвистые рога на своей

голове. Судя по расположению Плутона, в вашем доме произошла супружеская измена, а судя по расположению Марса, у вас появятся тараканы не только на кухне, но и в голове...» Потом мысли о нищете и бездарно растроченной жизни вернулись, мне стало так квело и кисло, что я пошла на кухню и налила рюмочку ликера.

– Не люблю свою работу, Лавр, – обратилась я к любимому сенбернару. – Хочу потратить свою фантазию на нужное дело, написать книгу, большую и хорошую, потом еще одну и еще. Затем прославиться и разбогатеть.

– Я тоже хочу разбогатеть! – раздался из прихожей голос Влада. – Ты опять не заперла входную дверь, между прочим. Можно я буду твоим соавтором?

– Нельзя, – я выпила ликер.

– Почему? – Влад зашел на кухню и бросил на пол сумку с длинным ремнем.

– Потому что я хочу сама заграбастать все деньги и славу.

– У, жадобища! Гороскоп начала?

– Нет, ерунда всякая лезет в голову... ничего, сейчас я себе такой гороскоп составлю, по которому просто обязана буду разбогатеть в ближайшую неделю.

Попивая кофе и ликер, мы взялись за дело, и к полуночи гороскоп был готов. Покуда Влад громыхал на кухне раскладушкой, я внесла в текст несколько поправок: у стрельцов вычеркнула грядущие душевные болезни, у рыб ссору с начальником, переходящую в драку, у водолеев возможность

ограбления квартиры в пятницу, у львов разорение под чистую в среду, у козерогов угон автомобиля во вторник. Я решила быть гуманной.

– Сена, я не могу разложить эту чертову конструкцию! – крикнул Влад.

Когда мы засиживались допоздна, он оставался у меня ночевать. С раскладушкой всегда сражалась я, но теперь Влад решил победить ее самостоятельно.

– Иду! – я сунула горе-гороскоп в папку, а папку в сумку, дабы не забыть ее утром и поспешила на помощь Владу.

Моя раскладушка раскладывалась только благодаря точному удару ноги, причем бить надо строго в определенное место и с определенной силой. Продемонстрировав новое слово в карате, я отправилась почивать, однако надеждой на спокойный сон я себя не тешила, потому что Владу непременно захочется травить анекдоты...

– Сена! – крикнул он из кухни, страшно скрипя раскладушкой. – Хочешь, новый анекдот расскажу? Значит так, приходит мужик в ресторан...

И пошло-поехало. И тут вдруг раздался ужасающий грохот. Лавр подпрыгнул на полметра и залаял во все горло.

– Что там опять такое?! – завопила соседка-пиранья, чей мерзкий голос не могли заглушить ни одни стены, особенно такие картонные, как наши. – Что у вас там за оргии такие?! Наркоманы проклятые!!!

При звуках ее визгливого голоса меня мгновенно затряс-

ло от злости, я слетела с кровати, и помчалась на кухню. Судорожно ткнув пальцем в выключатель, я увидела живописную картину: на полу, холмом высилась раскладушка, кое-где прикрытая табуретками, а где-то в самом низу, копошился Влад.

– Сена, – послышался его приглушенный голос, – вытащи меня отсюда! Как это я так перевернулся?

Пока я спасала погребенного под раскладушкой друга, моя собака носилась вокруг нас кругами и продолжала лаять, а сволочная соседка продолжала орать и звать на помощь милицию.

Так незаметно прошла ночь, и наступило трудовое утро.

Глава третья

Положив на стол шефа гороскоп, я решила выпить кофе в компании редакторши. Не бог весть какая компания, но выбора не было – я заявила на работу почти первой, что случалось крайне редко, просто после бурных ночных «оргий» с Владом, Лавром, соседкой и раскладушкой, у меня не получилось заснуть. Спать я захотела сразу, как только переступила порог редакции.

Ловко заправив в мундштук папиросищу, редакторша Тина Олеговна уставилась на меня добрыми змеиными глазами и, растянув тонкие губы в гримасу, которая должна была означать улыбку, спросила:

– Как успехи на литературном поприще?

– Лучезарно, – я не могла не удивляться ее таланту знать наперед все про всех. Причем, знать быстрее, чем человек сам обдумает свои собственные планы.

– О чем будешь писать? О любви? – она выдохнула столб дыма и шумно отхлебнула кофе.

– Да, – скромно кивнула я, – о любви. Об однополой.

– О какой? – на этот раз столб дыма повис вопросительным знаком.

– Об однополой, – повторила я. – О безумной, всепоглощающей страсти главного редактора к главному корректору

газеты «Судный день».

Тина Олеговна задавила папирosiщу в пепельнице и посмотрела на меня точь-в-точь, как мой незабвенный омар после варки.

– Поражаюсь, – процедила она, направляясь к своему столу, – как тебя здесь терпят?

– Да на мне тут все и держится! – крикнула я ей вслед.

Допив кофе и придя к мысли, что день начался не плохо, я решила немного поработать.

Вскоре появился шеф. Швырнув свой пухлый портфель на стол, он сразу же спросил:

– Сена, гороскоп сделала?

– Да, на вашем столе, под вашим портфелем.

– Хорошо. Так, все в сборе? – он определил на вешалку пальто и шляпу.

– Вроде все, – я оглядела кабинет, – Влад попозже придет.

– Тогда слушайте, у меня приятное известие.

Я раскрыла уши пошире, потому что новости, тем более приятные, были огромной редкостью в нашей редакции.

– Нам подвернулась неплохая работенка, за нее мы можем получить приличные чаевые.

Я раскрыла уши на полную мощность.

– Недавно вышла книга одного, пока еще неизвестного автора, не знаю, хорошая или плохая – это не важно. Важно то, что автор очень богатый и жаждет славы. Мы даем на эту книгу рекламную рецензию в следующем... нет, в этом номе-

ре, выбросим пока материал про пирамиды. Рецензия должна быть не менее захватывающей, чем «Унесенные ветром», деньги распределяются на всех, но львиную долю получает автор рецензии. Кто возьмется?

– Я! – хором крикнул весь наш доблестный коллектив.

– Хорошо, значит ты, Сена, – кивнул шеф и собрался идти на перекур. А заодно и на обед.

– Почему она? – не вынесла редакторша. – Почему все время она?!

– Я могу уступить тебе составление гороскопов на полгода, – великодушно предложила я, – так же можешь взять очерк про то, что Гитлер был женщиной.

– Не хочу я никакого Гитлера! Я хочу эту рецензию!

– Если у Сены возникнут затруднения, вы ей все поможете, – шеф извлек из портфеля книгу, страниц где-то, эдак, тыщи на полторы и грохнул ее на мой стол. На обложке красовалась надпись: «Лев Леонов. Мои сны». Мне стало ясно, что после прочтения такого количества снов Льва Леонова, помощь обязательно понадобится, причем не только коллег по работе. Шеф заметил мой резко потускневший вид.

– Читай через пять страниц, – посоветовал он, – главное, уловить суть, если она там есть, конечно. Две недели тебе хватит?

– Две недели?! – раздался вопль моего разбитого сердца. – Да вы что? Месяц, не меньше!

– Две недели, больше не могу, номер надо сдавать в набор.

Если не справишься, отдай кому-нибудь.

Я посмотрела на редакторшу, продолжавшую сверлить меня взглядом морепродукта, и согласилась.

– А на работу ходить? – крикнула я удаляющейся спине шефа.

– Нет! – спасительным гонгом прозвучал ответ. – Две недели, ни днем больше!

– Какое счастье, – я принялась собирать свои ручки и блокноты. – У кого-нибудь есть кулек с целыми ручками? Мне Льва Леонова сунуть не во что.

Редакторша молча и демонстративно заколотила по клавиатуре своего компьютера, но пакетом я все же разжилась у нашего художника.

Домой неслась, как на крыльях. Подумать только, две недели не надо вставать, плестись на работу и целый день страдать от скуки и нереализованных творческих планов в нашей занюханной газете! Наконец-то представилась возможность доказать, на что я способна! Рецензия, подумать только! Их, если мне не изменяет память, пишут всякие профессора, да лауреаты, считающие себя, как минимум в триста раз умнее автора. А тут я! Блесну, наконец-то своим умом и талантом, еще как блесну. А если у этого Льва много книг и ему понравится моя рецензия, то я стану его личным рецензентом, брошу работу...

Я так размечталась, что едва не проехала свою станцию метро. Прижимая к сердцу книгу своего самого любимого

писателя, я помчалась домой, и сразу же позвонила Тая на работу.

– Представляешь, – тяжело задышала я в трубку, – я буду писать рецензию на его сны!

– Чего?

– Шеф дал мне книгу одного очень богатого автора, и я напишу на нее рецензию. Обещали много денег!

– Сколько? – сразу же спросила практичная Тая.

– Много! Очень много! – я смутно представляла, сколько конкретно «много» в понятии Льва Леонова и шефа, но пребывала в уверенности, что мне хватит. – Если повезет, буду все время для него писать, брошу работу, разбогатею...

– Сто-о-оп! – Тая опустила шлагбаум перед самым носом моего поезда. – Не слишком ли ты торопишься? Ты же никогда не писала рецензий...

– Чего там писать!

– Ты вообще знаешь, как они пишутся?

– Чего там знать!

– Слушай, я приеду к тебе после работы, привезу пару журналов с рецензиями, ты хоть посмотришь, как это делается.

– Идет, но я и без этого бы справилась, с моими-то талантами!

– На всякий случай все же привезу. Все, извини, больше не могу разговаривать, начальница отдела косится.

– До вечера, пока.

Я положила трубку и немножечко потанцевала вальс с Леоновым в объятиях. Нет, все-таки хороший я себе гороскоп составила на эту неделю!

Ближе к обеду решила приступить к прочтению. Первая глава называлась: «Сон первый». В мою душу закралась нехорошие предчувствия. Пролистав, я нашла вторую главу, она называлась: «Сон второй». Нехорошие предчувствия усилились. Я открыла оглавление. Да, так оно и было. Последней главой был сон тысяча девятьсот девяносто девятый. Я тихо застонала, и Лавр немедленно подошел ко мне посочувствовать. Погладив его красивую, все понимающую морду, я устроилась на кровати и стала изучать, что же там на-снилось Лёве.

После первой главы я поняла, что ему снится такое, чего мне и привидеться не могло. Возможно, после трех бутылок некачественной водки и может присниться, что ты муравей, живешь в лесу и у тебя очень сложные взаимоотношения с главой муравейника, но зачем же об этом всему миру докладывать?

Во втором сне бедняге мерещилось, что он солдат армии Наполеона... в третьем... в четвертом... в пятом... К шестнадцатому сну у меня пошла кругом голова и я стала сомневаться, смогу ли теперь вообще когда-нибудь заснуть.

Вечером пришла Тая, открыла дверь своим ключом и обнаружила меня, лежащую на полу, рядом с Лавром. Вместо подставки под книгу, я приспособила комнатные тапки. Са-

мочувствие мое было из рук вон, настроение вообще никуда, а мой пес время от времени сочувственно вздыхал и норовил поцеловать меня в макушку.

– Ты чего это на полу? – поинтересовалась подруга.

– Понимаешь, я уже не могу лежать на кровати, сидеть в кресле, просто не знаю, куда себя приткнуть!

– Что-то мне не нравится лихорадочный блеск твоих глаз, – присмотрелась ко мне Тая. – Ты не заболела?

– погоди, они еще не так заблестят, когда я дойду до тысяча девятьсот девяносто девятого сна!

– А ты на каком сейчас?

– На двадцать первом!

– Книга хоть интересная?

– Я согласна всю жизнь прожить в нищете! Всю жизнь!

– Сеночка, нельзя прямо сразу раскисать, рецензентам и критикам еще и не такое читать приходится. Дай-ка посмотреть.

Я с радостью протянула книгу и, кряхтя, поднялась на ноги.

– Ты смотри, а я пойду пока выпью чего-нибудь для укрепления нервной системы.

Пока я лихорадочно распечатывала бутылку мартини, припасенную на какой-нибудь великий праздник, который когда-нибудь должен был случиться в моей жизни, Тая знакомилась с творчеством сонливого автора.

– И мне принеси! – крикнула подруга. – Без бутылки это

читать нельзя!

Прихватив бокалы, я вернулась в комнату. Тая сидела на кровати и сосредоточенно вникала в суть произведения.

– Да-а-а... – покачала она головой, – кто бы мог подумать, что у мужика такие серьезные проблемы. А я думала, что меня кошмары по ночам мучают... Кстати, хочешь у тебя ночевать останусь?

– А ты как думаешь? – я подняла на нее взор, затуманенный снами Льва Леонова. – Конечно, хочу. Если бы ты знала, как мне страшно оставаться одной. В темноте...

Глава четвертая

– Чего-то не хватает, – задумчиво сказала Тая, попивая мартини. – Ах, да, музыки. Где твоя кофемолка?

– Не оскорбляй мой магнитофон! Вон там, за письменный стол завалился.

Тая спрыгнула с кровати и на четвереньках полезла под стол, квартировавший там Лавр проснулся и недоуменно тявкнул.

– Прости, прости, Лавруша, – бормотала Тая, пытаюсь найти магнитофон, – где же он... где же он... зараза! А, вот! Нашла!

Она извлекла его на свет божий и воткнула вилку в розетку. Заиграла медленная, романтическая музыка, которую мой магнитофон, как всегда, принялся озвучивать своими собственными вздохами, шепотами и поскрипываниями.

– Вот теперь другое дело, – Тая вернулась на диван. – За что выпьем?

– Все равно. За что не пьешь, все равно ничего никогда не исполнятся.

– Вдруг на этот раз повезет? Я хочу выпить за то, что бы мы были счастливы, и чтобы в жизни у нас все получилось.

– А я хочу за свою мечту, свою собственную, ладно?

– Какую? Разбогатеть?

– Это само собой. Я очень хочу разбогатеть, а потом в каком-нибудь ресторане с видом на Капитолий, попробовать суп из птичьих гнезд.

– Чего? – растерялась Тая. – Из чего суп?

– Из птичьих гнезд, – вздохнула я.

– Что-то тебя все время на еду тянет, сначала омары, теперь эти гнезда... слушай, ты вообще, хорошо питаешься?

– Сносно. Понимаешь, одно дело пошло слопать что-нибудь вкусное, а другое – попробовать именно то, что тебе и не снилось. Это не просто еда, это недостижимый символ совсем другой жизни, совсем другой, в которой тебе все доступно, ты можешь все изведать, все испробовать...

Тая неожиданно всхлипнула и заплакала, проливая мартины себе на свитер. Следом зарыдала я, чуть позже солидарно завыл Лаврентий.

– Бедные мы с тобой несчастные, – Тая допила все, что не успела пролить. – Почему нам так не везет? Почему мы не родились дочерьми Ротвейлера?

– Рокфеллера, а не ротвейлера, – всхлипнула я. – Из меня бы такая принцесса получилась! Пирожное с кремом, а не принцесса! Как жить-то, а?

– Не знаю, – Тая глубоко вздохнула и немного успокоилась. – Слушай, надо хорошенько подумать, как разбогатеть честным путем.

– Почему обязательно честным? – перед моими глазами возник банк, в котором работала подруга. Тая увидела его

отражение в моем взгляде и покачала головой.

– Нет, банк мы грабить не станем.

– Почему? Жалко, да?

– Да нет, не жалко, просто не получится.

– У всего мира получается, а у нас не получится? Чем мы хуже?

– Как правило, это заканчивается воем сирены и криками:

«Здание окружено, выходите с поднятыми руками!»

– Это уж как повезет, – я вздохнула и посмотрела в окно.

– Что же делать... что же делать...

– На рецензиях уже не хочешь богатеть?

– Да ну, – отмахнулась я, – на них я до птичьих гнезд не дотяну, в крайнем случае, до супа из крабовых палочек. Надо придумать какой-то другой способ, что б наверняка...

– Книгу напиши.

– Ага, а потом всю жизнь носиться по издательствам, пытаясь ее пристроить! Тебе хорошо, ты в банке работаешь, в любой момент можешь наворовать денег и за границу. А я в своей несчастной редакции чего наворую?

– Почему обязательно воровать? Можно выйти замуж за миллионера...

– За какого?

– Ну...

– Вот именно

– Черт возьми! – Тая слезла с кровати и принялась расхаживать по комнате. – Должен же быть какой-то выход!

– Должен, – вздохнула я, потирая отчаянно слипающиеся глаза. – Давай спать, может, приснится?

Тая кивнула.

Всю ночь мне снилось, что я прихожу во сны Льва Леонова то в виде муравья, то в образе Наполеона и каждый раз, с разными угрозами, требую денег...

Утром, когда я проснулась, Таи уже не было, а на тумбочке лежала записка: «Умчалась на работу, позвоню, мысленно богатею».

– Я тоже, – кивнула я записке.

Следом проснулся Лаврентий и стал требовать своей законной прогулки. Я влезла в растоптанные ботинки, натянула древнюю куртку-пуховик, неоднократно покусанную и подранную Лавром во многих местах, взяла мусорное ведро в одну руку, собачий поводок в другую и поплелась на улицу. По утрам меня совершенно не волновало, как я выгляжу, в это время во дворе не было никого, кроме дворняг и котов, а они ко мне давно привыкли.

Оказавшись на свободе, пупсик принялся беситься по полной программе, пришлось быстренько спускать его с поводка, пока он не перевернул меня вместе с ведром. Лавр умчался гонять ворон и голубей, а я осторожно, дабы не растянуться на подмороженной слякоти, направилась к мусорным бакам. Настроение было страх каким паршивым... Возле баков было сильно подморожено и я остановилась, высматривая безопасные тропы.

– Девушка, извините, не подскажете, есть здесь телефон поблизости?

Догадавшись, что обращаются ко мне, я обернулась и, потеряв равновесие, едва не грохнулась вместе со своим ведром.

– Осторожнее! – говорил высокий, чуть лысоватый мужчина приятной наружности, в отличном дорогом пальто. Мелкими шажками я отошла от особо опасного участка гололеда и задумалась, вспоминая, где поблизости телефон.

– Понимаете, у меня что-то с машиной, не могу понять что, полночи простоял в каком-то закоулке, и сотовый, как назло сел, ни позвонить, ни до мастерской доехать, – поделился мужчина.

– Есть телефон, через три двора. Но, не знаю, работает или нет, там постоянно кто-то трубки откусывает.

Я заметила, что мужчина как-то излишне пристально меня рассматривает, наверное, думает, что бомжиха и роюсь в мусорке... вот, уже целое ведро насобирала! Я страшно за себя обиделась, отвернулась от обладателя севшего сотового, сломавшейся машины и с достоинством поползла к бакам, с твердой решимостью избавиться от отходов. Проделав это, я спустилась вниз. Мужчина стоял на прежнем месте и продолжал меня рассматривать.

– Через три двора телефон! – сердито буркнула я, изо всех сил сохраняя величие.

По возможности беззаботно помахивая ведром, я отпра-

вилась на поиски Лаврентия. Судьба издевалась надо в прямом смысле слова – именно сегодня, когда на мне надеты именно эти лохмотья и в руках мусорное ведро, в моем дворе должен был оказаться богатый кавалер, у которого здесь и сейчас сломалась машина... Господи-и-и!

– Девушка, стойте!

Позор мне, позор.

– Девушка, – он догнал меня, – извините, вас случайно не Сеной зовут?

Я в изумлении уставилась на него.

– Да-а-а, а вы откуда знаете?

– Боже мой, Сена! – воскликнул он. – Ну, конечно, это ты!

Ты меня не узнаешь?

Я совсем растерялась и отрицательно покачала головой.

– Конечно, почти пять лет прошло, ты могла и забыть. Я Леонид, помнишь? Мы познакомились с тобой на море, ты каталась на катамаране, потом перевернулась, а я тебя выловил, помнишь? Мы с тобой полгода потом встречались...

Челюсть моя медленно отвисла. Леонид... это действительно был Лёня, только немного полысевший и явно хорошо преуспевший. Роман с ним был самым длинным в моей жизни, всего с тремя серьезными ссорами и всего с двумя моими уходами навсегда.

– Вспомнила? – улыбался он.

Я захлопнула рот и кивнула.

– Надо же! – продолжал радоваться он. – Пять лет прошло

и на тебе, такая встреча! С ума сойти!

«Да уж, – подумала я, – и надо было встретиться именно так!»

– Рада тебя видеть, – выдавила я, протягивая Лене руку с мусорным ведром, потом опомнилась, и протянула другую.

– А я-то как! – он сграбастал меня в охапку и, не обращая внимания на мой собачий тулуп, прижал к себе и расцеловал.

– Ты где-то рядом живешь?

– Да, вон в том подъезде, – все казалось каким-то плохо отредактированным сном... я же должна быть в вечернем платье, на каблуках...

– А у тебя телефон есть?

– Есть.

– Я никому не помешаю, если позвоню от тебя?

– Нет, я одна живу, вернее с собакой. Пойдем.

Я громко свистнула, подзывая Лаврентия. Сладкий вылетел из-за угла и жизнерадостной торпедой помчался ко мне.

– Ого, – удивился Леня, – здоровенный какой. Сколько ему?

– Два года, приобрела по случаю. Его мама принесла одиннадцать щенков и хозяйка этого богатства, моя приятельница, оборвала телефон, умоляя взять хотя бы одного, пока щеночки не слопали ее вместе со всей мебелью.

– Замечательный пес! Как я рад, что встретил тебя, как рад!

Глава пятая

Дома я сразу же бросилась в ванную приводить себя в порядок.

– Сена! – крикнул Леонид. – Я не могу найти телефон!

– Посмотри на кровати, под подушкой, если там нет, то на кухне.

Вскоре его поиски увенчались успехом.

– Алло, – произнес Леня, и я наострила уши, – это я. Нет, ничего серьезного не случилось, что-то с машиной, не пойму что именно. Пришлите ребят, пусть все сделают, ага. Адрес скажу. На сегодня все встречи отмени, жене скажи, что буду поздно, пусть не волнуется...

Жене... руки мои опустились. Какая невезуха... Без особого энтузиазма закончив марафет, я выплелась из ванной. Леонид уже закончил разговор и с интересом рассматривал мою берлогу. Увидев меня, преобразившуюся, Леонид снова заулыбался и сказал:

– Сена, ты ничуть не изменилась. Как я тебя часто вспоминал, ты бы знала! Сколько жене о тебе рассказывал!

– Когда это ты женился?

– Год назад, когда в Америке жил.

– Ты жил в Америке?

– Ага. Ты о себе расскажи, чем сейчас занимаешься?

– Чем... – я глубоко вздохнула, – чем я могу заниматься? Пишу дрянные статьи для дрянной газеты, а сейчас буду писать дрянную рецензию на дрянную книгу. Вот этим и занимаюсь.

– Помнится, ты писала замечательные стихи и рассказы, продолжаешь?

– Да так, помаленьку. Хочу написать книгу, может что-то и получится, – пожала я плечами. – Слушай, может ты чаю или кофе хочешь? К сожалению, у меня больше нет ничего, в магазин еще только собиралась.

– Я сам схожу, ладно? Где тут ближайший?

– У метро супермаркет, но там це-е-ены!

– Сеночка, – он обнял меня за плечи, – у меня есть деньги, я скоро вернусь.

Он выскочил из квартиры, а я поправила прическу и стала наводить порядок в квартире. Подумать только, Леонид! Насколько я помнила, тогда он где-то на кого-то учился и занимался компьютерами. Мы отлично ладили, он с удивительным терпением выносил все мои выкрутасы и, кажется, даже любил. Я же относилась к нему больше как другу, потому что в рамки принца на белом коне он никак не вписывался. В один прекрасный день я гордо хлопнула дверью и отправилась на поиски лучшей доли... И вот! Нашла!

Подойдя к окну, я стала обозревать двор, который постепенно заполнялся собачниками и мамами с колясками. Вскоре к подъезду подъехало такси, из него выбрался Леонид с

пакетами. Я еще раз окинула взором свое жилище, теперь всё выглядело вполне пристойно. На лестничной площадке послышались шаги, и Лавр лениво потрусил в коридор приветствовать гостя.

– И тебе вкусного взял, собаченция, – сказал, заходя, Лена, – и тебе подарки есть! Сена, куда все поставить?

– На кухню.

Пока он выгружал на мой маленький кухонный столик невероятные гастрономические изыски, я подпирала собой дверной косяк, пытаюсь вспомнить, что же такого великого я совершила за это время? Чем можно сразить Леню наповал? Вспомнить ничего не получалось...

Помимо всякой разной снеди, на столе оказались: две бутылки французского шампанского, большая бутылка мартини, какой-то ликер, весь в орденах и медалях, бутылка тоника и блок ментоловых сигарет. Эти сигареты я пробовала только один раз в жизни, как раз во время нашего с Леной романа... Теперь наши бывшие взаимоотношения рисовались мне такими идеальными светлыми красками, что у меня даже в носу засвербело от злости на саму себя – как, как я могла его бросить?

– Сена, – голос Лени вывел меня из задумчивости, – ты не могла бы это все нарезать? – он кивнул на ворох продуктов. – У меня в этом отношении руки криво растут. А креветки надо в морозилку убрать, ты все еще любишь креветки?

Он спрашивает, люблю ли я все еще креветки... Я молча

кивнула, и затолкала три пакета в морозилку, переполненную купленными по дешевке костями для собаки. На фоне устрашающих мослов кровати смотрелись слегка неуместно...

Когда стол был накрыт, Лена откупорил шампанское и разлил его по бокалам.

– За эту потрясающую неожиданную встречу, – он коснулся своим бокалом моего, – безумно рад тебя видеть!

– Я тоже.

Выпили. Сотая доля мечты сбылась – я попробовала настоящее шампанское... мягкое, не шибает в нос пузырьками газированного спирта... Закурив, я закрыла глаза, чтобы не видеть, как неестественно смотрятся роскошные бутылки на фоне моей страшенькой крошечной кухни... До появления этих бутылок кухня выглядела вполне сносно.

– Сена, где ты сейчас работаешь?

Пришлось открывать глаза и возвращаться в жестокую действительность.

– В газете, язык не поворачивается ее название произнести.

– А все же? – Леня улыбнулся и тоже закурил.

– Ты же раньше не курил, – удивилась я.

– И сейчас не курю, так, балуюсь, – Леня неловко стряхнул пепел в маленькую, со всех сторон отколотую пепельницу в виде ракушки, – и не пью, так, в крайних случаях. Так как газета-то называется?

– «Непознанный мир», – скорбно вздохнула я. – Мы ее называем «Неопознанный труп». Сколько я там лет корячусь, только сейчас подвернулась возможность хоть какие-то деньги заработать и то... – Я в сердцах залпом выпила шампанское.

Леня молча ждал продолжения. И я вывалила все: и про разбитые надежды, которые я возлагала на рецензию, и про жуткую книгу, и про...

– А книга здесь? У тебя?

– Да, где ж ей быть.

– Можно посмотреть?

– Да ради бога!

Я принесла книжный кирпич и грохнула его перед Леной.

– На! Печатают всякий бред собачий, а талантливым людям не протиснуться, не пробиться. Все дырки денежные мешки законопатили!

– И что, эта книга действительно такая ужасная? – Леня неторопливо полистал страницы.

– Да! Автору надо было заняться чем угодно, только не литературой! Пусть бы выпендривался как-нибудь по-другому, например, пошел бы в певцы! Наша многострадальная эстрада и такое вынесет. Но зачем в литературу? В святое!

– Все понятно, – Леня захлопнул книгу, – значит, больше писать не буду.

– Ты-то здесь причем?

– При всем, – он улыбнулся. – Эту книгу я написал.

– Не надо смеяться, – я продолжала кипеть яростью благородной. Тогда Леня раскрыл обложку и поднес титульный лист с фотографией к своему лицу. Я застыла.

– Но... твоя фамилия не Леонов, – жалко пролепетала я, – и зовут тебя не Лев...

– Лев Леонов – мой литературный псевдоним. – Хорошо, что ты мне все популярно расписала, а то ни от кого правды не дождешься, спасибо, Сена.

– Не за что, – буркнула я, не зная, куда себя девать, куда провалиться.

– Я серьезно благодарен тебе, хуже, если бы я продолжал писать, думая, что у меня есть талант. И меня бы печатали, естественно, исключительно за мои же собственные деньги. Пустая трата времени и сил. А ты ее всю прочитала? – Леня положил злополучную книгу на стол.

– Нет, меня хватило снов на двадцать с небольшим.

– И тебе действительно так сильно не нравится? – в голове Лени прозвучала едва заметная грустинка, и я чуть было не пошла на попятную.

– Нет, не нравится, – отступить некуда, позади – Москва, – мне это совсем не нравится, ты уж прости.

– Понятно... Да ну и черт с ней! Мне она самому не нравится! Просто хотелось попробовать себя в чем-то совершенно новом, копнуть и сразу же наткнуться на талант, как на горшок с золотом! – он усмехнулся. – На горшок я, допустим, наткнулся, но он оказался с другим содержимым. За-

будем про эту макулатуру.

Он бросил книгу под стол и наполнил бокалы шампанским.

– За тебя, Сеночка, за моего самого искреннего и любимого друга.

Выпили, и от сердца у меня немного отлегло, по крайней мере, пропало стойкое ощущение, что я все гублю и порчу на корню.

За непринужденной беседой и вкусной едой, мы быстро прикончили бутылку, и Леня вскрыл вторую. Мое настроение было уже почти на высоте Эйфелевой башни и я подумала, что помимо свадеб случаются еще и разводы... И тут же устыдилась собственных подленьких планов насчет Лёни.

– Эх, – я прикурила очередную сигарету, – а я ведь два месяца как курить бросила. Но, при такой-то жизни и не хочешь – закуришь. Ты только не подумай, что я жалуясь. Упаси бог! А ты чем занимаешься, Леня?

– Чем я только не занимаюсь. У меня сеть магазинов оргтехники, а так же небольшая фармацевтическая фирма, занимаемся поставками медикаментов, в основном витаминов из штатов...

– Вам уборщицы не нужны? – мрачно перебила я. – Могу еще ночным сторожем.

Леня помолчал пару секунд, внимательно глядя на меня, потом произнес:

– Неужели все так плохо?

– Да... – ответ получился полузадушенным, потому что я усиленно боролась с подступающими к горлу слезами.

– Почему не уйдешь из своей трупной газеты? Ты же талантливый человек, давно нашла бы нормальное место.

– Ага! Самородок без образования! Было бы кому меня протолкнуть, может и получилось чего, а так... Хоть с голоду не умираю и то хорошо.

Я ненавидела себя все больше и больше с каждой минутой, с каждым произнесенным словом. Можно было представить, как же осточертели богатому Лене такие жалкие попрошайки вроде меня. Со всех сторон выходило, что мне от него надо денег, работы, всего сразу! А чего ради он должен мне это все предоставлять? Я бы на его месте положила бы на стол пять долларов на опохмел после шампанского, пожелаала бы счастья в личной жизни и отправилась домой, к американской жене, чтобы вечером, за ужином из лобстеров, сказать с улыбкой: «Помнишь, дарлинг, я рассказывал тебе об одной девице с оригинальным именем? Так еще река в Париже называется. Так вот, я ее сегодня встретил. Да, да! Не поверишь, но это так. Пять лет назад я был для нее недостаточно хорош, и она меня бросила. Дарлинг, ты бы видела это жалкое зрелище! Она живет в собачей конуре, ходит в собачьем тулупе, питается собачьими костями...»

– Сена, ты меня слышишь?

Я так глубоко прониклась мною же вымышленным монологом Лени, что совсем отключилась от реального мира.

– Прости, задумалась, что ты сказал?

– Я уже битый час рассуждаю о том, как же тебе помочь, подбираю различные варианты...

– И как? – в моем желудке всколыхнулась надежда и закачалась на солнечных волнах французского шампанского.

– Хочется найти что-нибудь максимально подходящее, – Ленья задумчиво вертел в пальцах шампанскую пробку, – чтобы эта работа была в первую очередь тебе интересна, ну и естественно хорошо оплачивалась.

– Я сплю и вижу сон. Такого просто не может быть! – рассказывать Лене про свое бесконечное нытье на тему нищеты, коему я предавалась в последний месяц, мне, почему-то не хотелось.

Зазвонил телефон. Его резкий, истеричный грохот-звон всегда действовал на меня как электрический разряд, но сделать звук потише было невозможно – колесико, отвечавшее за шумовые эффекты было давно сломано. Поэтому от кошмарных звуков, прорезавших лиричную тишину, я так подпрыгнула, что едва не опрокинула стол со всем банкетом. Помчавшись в комнату, я схватила трубку и рявкнула:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.